

Ярослава Бережная

ИЗМЕНА В ГОДОВЩИНУ

Развод без права на прощение

Ты просил не устраивать сцен на юбилее.
Я просто принесла документы на раздел.

Ярослава Бережная

Измена в годовщину. Развод без права на прощение

«Автор»
2026

Бережная Я.

Измена в годовщину. Развод без права на прощение /
Я. Бережная — «Автор», 2026

Десять лет я была надёжным тылом для мужа: спала по четыре часа, разрабатывала рецептуру для нашей сети кондитерских и верила, что он задерживается в офисе ради нашего будущего. Всё рухнуло за день до десятой годовщины свадьбы, когда курьер по ошибке доставил мне договор дарения нашей новой загородной студии на имя его двадцатидвухлетней ассистентки. Вадим думал, что тихая домашняя жена утрётся, побоится остаться ни с чем и промолчит ради сохранения семьи. Он забыл только одно: все технологические карты, ключевые поставщики и половина уставного капитала записаны на меня. Сцен и слёз не будет — я подам ему развод прямо на праздничном банкете.

© Бережная Я., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой адрес в накладной 5
Глава 2. Тишина вместо истерики 10
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Ярослава Бережная
Измена в годовщину. Развод без права на прощение

Глава 1. Чужой адрес в накладной

Первый корж лопнул по шву. Я выдвинула противень, и Маша, которая старательно записывала время выпечки, зачеркнула двадцать две минуты.

— Пиши двадцать. И дверцу после сигнала не открывай сразу.

— А этот куда?

Я подставила доску, дождалась, пока корж отойдёт от формы, и разломила его надвое. Из середины выступила тёмная полоска брусники. Маша взяла ложку.

— Этот нам.

В половине седьмого на производстве ещё можно было разломить корж о доску и съесть стоя. Через час к столу подкатили бы тележку с заказами, и мне пришлось бы искать место даже для чашки. Я поставила её на подоконник. Чабрецовый чай успел остыть; у белой ручки осталась тёмная капля.

Телефон завибрировал у весов. Вадим прислал фотографию зала в ресторане. Белые скатерти, медные лампы. У окна я узнала стол, за которым мы сидели после свадьбы, пока официант искал, куда поставить букет в две охапки. На фотографии этот стол стоял в центре. Вадим добавил: «На завтра всё согласовано. Мама просит без импровизаций».

Я вытерла палец о фартук и набрала: «Торт будет. Расстановку гостей пришли». Десять лет назад у нас не было рассадки. Двоюродный брат Вадима опоздал на час, и мы подвинули стол к стене, чтобы ему хватило места. Теперь Тамара Игоревна звонила администратору из-за каждого стула.

Маша понизила температуру печи и ткнула костяшкой в стекло.

— Елена Андреевна, у вас кольцо в муке.

Я сняла кольцо, обтёрла салфеткой и убрала в карман фартука. Через минуту к нему добавился ключ от шкафа с технологическими картами. В холодильнике звякнуло пустое отделение. Кто-то уже пришёл за первой партией.

Вадим приехал к восьми, хотя обычно появлялся только на планёрке. Я увидела его через стекло: он держал дверь локтем и говорил в телефон, прижатый к плечу. Перед тем как войти, он сбросил вызов и убрал телефон во внутренний карман. На улице было сыро. На одном плече пальто темнела узкая полоса, будто он вышел из машины и минуты две простоял без зонта.

— Ты завтракал?

Он посмотрел на разломанный корж.

— В десять встреча.

— Я про завтрак.

Вадим снял часы и положил их рядом с моим чаем. Соскользнувший ремешок стукнул по подоконнику.

— Потом. У тебя есть две минуты? По флагману.

Я кивнула Маше, чтобы она взяла следующую партию. Вадим прошёл в маленькую переговорную возле цеха. На стене висела схема будущей кондитерской на Невском. Я три недели передвигала на ней холодный стол, пока между ним и печью не получился проход для двух человек с подносами. Вадим снял схему с кнопки, положил лицом вниз и попросил меня сесть.

— В пятницу фотографов в студию не пускай.

— Почему? Мы снимаем линейку для открытия. Свет привозят утром.

— Там ещё бумажная волокита. Перенеси в цех.

В загородной студии мы собирались снимать меню и вести мастер-классы. Вадим сам нашёл дом с пристройкой и показал мне его в феврале: у стены выключатель болтался на одном проводе, зато окна выходили на север. Я выбрала столешницу, которую можно мыть после каждой группы. Первый платёж ушёл с моего личного счёта. Остальное провели через компанию по договору пользования. На прошлой неделе там должны были поставить вытяжку.

— Какая волокита?

— Межевание. Ключи просили вернуть.

— Кто?

У него в кармане дважды дрогнул телефон. Вадим положил ладонь на полочку под схемой. Одним пальцем сдвинул кнопку, которая осталась после листа.

— Лена, там всё решат. Ты в цехе можешь снять то же самое?

— Могу. Если уберу к стене стол для выпуска пятничных заказов и попрошу двадцать человек не ходить по проходу.

Он убрал руку с полочки. Кнопка упала. Я наклонилась первой и подняла её за красную головку.

— Не переноси сама, я попрошу Алину.

Алина пришла к нам весной. Вадим называл её PR-ассистенткой. В первые дни она присылала мне фотографии готовой выпечки и спрашивала, где убрать в кадре сухую муку. Теперь она бронировала студию, ставила встречи в календарь генерального и могла отменить съёмку, даже если сама её не назначала. Я вернула кнопку на стену и повесила схему обратно.

— Алина знает, где ключи?

— Она их и отвезёт. По пути.

Он не спросил, кому. Я выпрямила лист, чтобы нижний угол не закрывал проход к печи.

Тамара Игоревна позвонила, когда Вадим уже застегнул пальто. Он увидел имя на моём экране и показал рукой: бери. Сам вышел в коридор.

— Леночка, — свекровь придвинула телефон так близко, что я услышала, как она поправляет серьгу. — Ты опять утвердила десерт без меня.

— Брусника и миндаль. Тот, что ты пробовала на прошлой неделе.

— Мне понравился. Я же про подачу. Сначала Вадим скажет, потом вынесут торт. Ты подожди его, пожалуйста. Даже если гости уже встали.

Я просмотрела её список гостей. На схеме зала, как на чертеже у меня на стене, между нашими столами осталось свободное место. Возле окна она добавила стол на троих. Имена не были указаны.

— Кто у окна?

— Наши по работе. Вадим просил отдельно. Ты их знаешь.

— Тогда напиши имена администратору. В ресторане доложили, что у нас два гостя с аллергией.

Тамара Игоревна задержала ответ. Я слышала, как на другом конце захлопнулась дверца шкафа.

— Одна Алина. Остальных у Вадима спроси. Она поможет с фотографом, если он опаздает. Теперь положи телефон и поешь. У тебя опять голос натощак.

Она отключилась. Имя Алины я вписала напротив первого места у окна. Второе и третье оставила свободными. Вадим стоял за стеклом у кулера. Когда я вышла, он уже поднял стакан, но воды в нём было на донышке.

— Ты всю кондитерскую на юбилей зовёшь?

— Только тех, кто нам помогал.

— А мы что отмечаем?

Стакан хрустнул у него в руке. Он опустил его в корзину, поправил воротник и подошёл ближе. Я увидела на его запястье светлую полосу от часов. Сами часы остались у окна в цехе.

— Десять лет, Лен. Не устраивай сцен из-за трёх стульев.

Я высвободила из-под пальца лист с рассадкой. Он потянулся за ним, но я сложила его и убрала в карман.

— Часы забери.

Вадим не вернулся. Часы Маша принесла к обеду в чистом контейнере, в таких мы отдавали на доставку пробники глазури. Она поставила контейнер на стол и спросила, писать ли на нём фамилию. Я достала часы, завернула в салфетку и положила в ящик.

На совещании коммерческий отдел хотел, чтобы я утвердила четырнадцать десертов к открытию флагмана. У нас было десять готовых, ещё два можно было довести за неделю. Я поставила на стол образец упаковки, закрыла крышку и попросила их самим донести пирожное от нашего стола до двери. Куратор презентации поднял коробку за ленту. Лента сразу проскользнула. Он перехватил коробку снизу.

— Что будет, когда он пойдёт через Невский?

— Поменяем крепление, — куратор положил коробку обратно.

— Вот после этого поговорим про четырнадцать.

Я взяла ручку и отметила десять позиций в списке. Две оставила на испытания. Рядом с последней строкой стояла дата съёмки. Её уже перенесли в цех, без подписи. Под записью мастер по свету оставил номер для въезда. Я обвела номер и отправила Вадиму фотографию. Он прочитал. В ответ прислал контакт Алины, который у меня давно был.

Я вернулась в кабинет. Там на доске ещё висел график прошлого месяца: поставщик миндаля обещал подать пробную партию в среду, а привёз в четверг. Я записала для Маши, на какой полке оставила проверки, потом открыла таблицу расходов по студии. Задаток, окна, электрика. Смету на вытяжку прислали в понедельник. Возле последней суммы я увидела пометку: «Оплату отложить до смены владельца».

Мне сначала показалось, что речь о нашей управляющей компании. Вадим любил заводить отдельные юридические лица под аренду и ремонт; я в таких таблицах смотрела на счета и даты. Открыла историю. Пометка появилась позавчера от пользователя с инициалами А. С. Я навела курсор на них. Система показала фамилию Алины и её рабочую почту.

Я позвонила управляющему студией.

— Сергей, у кого сейчас ключи?

— Я свой оставил в охране. Вадим Сергеевич велел. Сказал, новый комплект выпишут после передачи.

— Кому передачи?

В трубке зашуршало. Я услышала, как Сергей прикрыл микрофон ладонью.

— У меня в заявке фамилии нет. Поставить на пропуск Эллу Сергеевну, как раньше?

Элла Сергеевна была фотографом. Я велела пропуск не отменять до моего звонка. Сергей принял это с облегчением: бумажный журнал уже заполнили до пятницы. Я выключила телефон и подержала руку на столе. Под указательным пальцем застряла крошка миндаля. Я смахнула её в пустую крышку от коробки.

После двух консьерж позвонил снизу. Курьер из юридического отдела принёс пакет под подпись и не соглашался оставлять в приёмной. Я велела поднять его. Курьер оказался тот, что зимой привозил оригиналы договора с поставщиком масла. Тогда он намочил нижний край папки и ждал, пока я проверю подписи. Сегодня пакет был сухой. На клапане моей ручкой дописали номер кабинета: пять вместо восьми. Я узнала свои цифры на наклейке, которую юристы переиспользовали с прошлой доставки.

— Вам, — он показал на строку. — Морозовой Елене Андреевне. Тут время и подпись.

Под верхней наклейкой проступал другой адрес. Я провела ногтем по отогнутому углу и прочла первые буквы: «Архит…» Улица Архитектора Белова. На ней стояла студия. Курьер протянул планшет так, что угол пластика лёг на мокрое пятно от чашки.

— Подождите. Откуда забрали?

— Из юридического. Девушка папки переставила на стойке. По списку в конце адрес, а наклейка ваша. Я диспетчера спросил, сказала везти вам по наклейке.

Он повернул пакет. Там, где сквозь бумагу нащупывался угол, маркером поставили номер. Я записала его на обороте рассадки и отдала планшет. Курьер ушёл, не дождавшись лифта. Его шаги стихли на лестнице, пока я разглаживала наклейку.

В пакете лежал договор дарения. На первой странице адрес был напечатан жирным, с номером участка и отдельной строкой для пристройки. Я знала номер пристройки наизусть: он не поместился в первый заказ на вытяжку, и я переделывала его под диктовку монтажника. Перевернула страницу. В графе «Одаряемая» стояло «Соколова Алина Дмитриевна». Дальше шли паспортные данные и запись о передаче ключей.

Мне пришлось перечитать её вслух. Только графу. Ниже было согласованное время визита к нотариусу. Следующее утро, половина десятого. За ним рукописная приписка: «Документы и ключи выдать А. Д. С. лично. Вадим».

Я открыла папку со студией. В выписке собственником числился Вадим. Дом мы покупали в браке. Первоначальный взнос списался с моего счёта; в день сделки я привезла расписки сама, потому что он застрял на переговорах. В договоре дарения я увидела ссылку на моё согласие. Указали номер и дату. В этот день я снимала пробу с брусничной начинки на производстве. Кроме меня, в карточке стояли подписи ещё двух технологов.

Я достала из ящика контейнер с часами. На салфетке они продолжали идти. Под лупой секундной шкалы стрелка прошла семь делений, пока я искала в договоре копию согласия. Копии не было.

На следующем листе лежал акт приёма-передачи. Перечень ключей, опись оборудования. Моя столешница. Стеллаж, который мы с Машей собирали после смены. Два пробных противня, оставленные в студии под упаковочной плёнкой. На обороте карандашом написали «всё убрать, кроме печи». От этой записи к торцу шла стрелка. Я посмотрела на свою руку. Ноготь у большого пальца погнулся, когда я снимала клапан пакета. Я аккуратно прижала его к столу.

Звонила Алина. Имя появилось на экране раньше, чем я успела положить акт обратно. Я подняла.

— Елена Андреевна, вам ничего сегодня не приносили? У юристов две доставки ушли криво.

— Что именно ищешь?

Она замолчала. В первый месяц Алина обращалась ко мне на «вы» даже в переписке. В последние недели звала Леной, когда при Вадиме нужно было попросить правку.

— Конверт плотный, на нём был адрес студии. Там ничего по открытию. Просто если завалялось, я заеду.

— Ключи у тебя?

— Вадим Сергеевич попросил их собрать. У меня и второй комплект. Это к съёмке не относится.

Я разблокировала экран другого телефона — рабочего, на котором висели задачи цеха. Открыла календарь студии. На завтра в половине десятого стояла встреча под её инициалами. Она отметила её как личную, но место осталось общим: нотариальная контора в двух улицах от ресторана.

— Во сколько заедешь? — я перевернула акт лицом вниз.

— Не знаю. Я сейчас с Вадимом, спрошу.

Вадим сказал утром, что в десять у него встреча. Сейчас на часах было почти три. В телефоне что-то шевельнулось: она прикрыла микрофон, но не до конца. Я услышала его голос. «Скажи, что второй комплект у меня». Он говорил спокойно, так же как со мной у двери в переговорную. Потом Алина вернулась к телефону.

— Вадим Сергеевич передумал, я не успею. Если конверт найдётся, передайте ему вечером.

— Хорошо.

Я положила телефон и ещё минуту смотрела на акт. Потом собрала все страницы в порядке номеров, отдельно сняла обе стороны конверта и наклейку с чужим адресом. Фотографии сохранила на личном телефоне, не в папке компании. Оригиналы закрыла в шкафу, где держала карты новой линейки. Пустой контейнер от часов оставила в ящике открытым.

Маша постучала и спросила, нужно ли убрать пробный торт в холод. Я дошла до цеха, увидела его на поворотном столике. Она отложила сверху орехи, чтобы сначала показать мне надпись. «Десять лет вместе». Свежий крем блестел у последней буквы. Я подняла со стола кондитерскую лопатку, подержала её над тортом, потом опустила на доску.

— Убери в холод. Надпись завтра решим.

Она сняла торт со столика. Я вернулась за телефоном и посмотрела список участников компании. Моя доля — пятьдесят процентов, так и стояло в последней выписке. Открыла банковские уведомления и выбрала первое за май. Палец дрогнул, экран погас. Я снова его разблокировала и пододвинула к себе чистый лист. Вверху записала дату сделки по студии, а ниже — имя, которое не собиралась завтра произносить за семейным столом.

Глава 2. Тишина вместо истерики

Первое уведомление за май было за миндаль. Второе — за упаковку для летней линейки. Третье пришло в пятницу в восемнадцать сорок три, когда я везла Вадиму на дачу запасной комплект ключей. В назначении платежа стояло «сопровождение открытия». Получателя я не узнала.

У меня был доступ к выпискам по основному счёту: поставщики связывались со мной, если задерживали оплату. В мобильной версии показывали сумму и название получателя. В полной — ещё основание. Я перекинула на стол пачку салфеток, чтобы положить рядом с ноутбуком лист и не писать на упаковке.

Май. Сто восемьдесят тысяч. Июнь. Двести двадцать. Один платёж прошёл на следующий день после того, как мы сократили заказ на бумагу для коробок и попросили поставщика разбить счёт на две части. Я сама звонила ему, обещала закрыть остаток через неделю. Он согласился. Деньги за бумагу мы перевели через двадцать три дня.

Я выгрузила выписки за полгода, сохранила только те счета, к которым у меня был доступ, и взяла из шкафа папку договоров. По названию получателя нашла договор на «консультационные услуги». Подписал Вадим. В приложении перечислили всё, что обычно можно проверить: даты съёмок, сметы, список площадок. Заполнена была одна строка. Вместо списка стояло «по согласованию с заказчиком». У подписей на ежемесячных актах совпадал даже перекос, будто их вставляли с одной картинки.

В коридоре Маша громко позвала грузчика. Через стекло промелькнула её белая шапочка. Я закрыла папку. В этот момент на экране появилось сообщение от Вадима: «Пакет из юротдела нашёлся? Алина говорит, у тебя». Я прочла первую фразу дважды. Алина не могла знать, что пакет был у меня, если курьер не отчитался диспетчеру. Отметка о прочтении уже ушла. Я положила телефон лицом вниз.

Следующий перевод ушёл в августе другому получателю. Адрес регистрации стоял на втором листе договора, обычная квартира. Я поискала адрес в списке подрядчиков и нашла его в её личной карточке: туда Алина просила доставить коробку с кремом для съёмки. В графе получателя банковской выписки значилось «ИП Соколова А. Д.». Номер расчётного счёта совпал с приложением к последнему акту. Я записала это на листе отдельно от первой фирмы. Связи первой фирмы с Алиной я пока не видела. В её отдельной строке я не стала ставить знак равенства.

Маша постучала в стекло. Я открыла дверь.

— Елена Андреевна, тест на четырнадцать минут ставить? Там коробки забрали, сейчас тихо.

— На двадцать. Четырнадцать — это начинка.

Она посмотрела на лист в своей руке, зачеркнула число и протянула мне распечатку по завтра. На первой странице заказ на ресторан, большой торт и три маленьких десерта без миндаля. На второй — накладная с дополнительной коробкой, которую в последний момент попросил Вадим. Получатель «А. С.», доставка в восемь вечера на Архитектора Белова.

— Коробку собирать? — Маша поставила ручку над строкой.

— Попроси коммерческий отдел назвать заказчика и прислать оплату. Там не мой заказ.

Она кивнула. Уже уходя, вспомнила, что у упаковщиков сегодня короткая смена. Я сказала, чтобы в первую очередь отдали всё подтверждённое. Маша посмотрела на меня чуть дольше, чем нужно для кивка, и прикрыла дверь.

Я позвонила главному бухгалтеру. Наталья ответила после второго гудка. На заднем плане у неё пищал сканер, она попросила секунду и вернулась к телефону.

— За август какой договор у Соколовой?

— В карточке он есть.

— Вижу. У нас ни одной съёмки за этот период нет в календаре. Что она сдала?

Сканер снова пикнул. Наталья на него не ответила.

— Акты подписывал Вадим. Ты спроси у него, что сдавала. Мне принесли комплект, я провела.

— Наташ, кто принёс?

— Алина. Сама. Я ещё спросила, с какого месяца она у нас подрядчик. Мне Вадим перезвонил, сказал, что по этому поводу есть решение. У тебя его нет?

— Нет. Покажи, где оно хранится.

Наталья перестала двигать бумаги. Из трубки донёсся стук дверцы. Она вышла туда, где было тише, и дала номер папки с решениями. Мы нашли два протокола и ни одного по этому договору. Она попросила меня ничего не пересылать в общий чат. Я предложила сначала сверить список переводов и актов. Она выслала мне только номера документов, потом отключилась: у неё за дверью снова звонил сканер.

На листе с датами не хватало двух строк. Я подвинула чашку с остывшим чаем и взяла второй лист. За шесть месяцев на два счёта ушло больше двух миллионов. Часть могла быть за выполненную работу; по двум актам в назначении указали выставку, на которую мы действительно ездили. Я поставила рядом знак вопроса. У перевода Соколовой накануне оплаты вытяжки ничего не было, кроме общей фразы. Вытяжка утром оставалась в неоплаченных. Я обвела обе строки и закрыла банковское приложение.

Вадим позвонил. Я услышала наш домашний фон: дверца холодильника, которая до конца не закрывалась без щелчка. Он надавил сильнее, щелчок повторился.

— Ты поздно сегодня?

— Да.

— Мама у нас. Она завтра утром приедет к ресторану, если надо что-то отвезти.

Я посмотрела на план рассадки. Имя Алины было вписано моей ручкой. На строке под ним я положила ладонь.

— Ничего не нужно.

Он подождал. Потом сместил телефон, и щелчок пропал.

— Из юридического действительно могли прислать чужой пакет. Оставь на стойке. Я вышлю машину.

— На стойке оставляют скатерти и запасные подносы. Попроси юридический отдел написать, что именно они ищут.

— Ты его вскрыла?

Я выключила звук у компьютера, потому что оттуда начинало идти уведомление на каждый сохранённый документ. Вадим повторил вопрос. Я держала телефон у уха, пока он не перестал спрашивать.

— У меня совещание, — сказала я.

Я положила трубку. На часах было десять минут до пяти. Совещания в этот день у меня больше не было. Я открыла календарь, убрала из него общий слот «Дом» и забронировала маленькую переговорную для разговора с начальником смены. Надо было распределить пятничную съёмку так, чтобы она не пересекла выпуск заказов. Эту задачу я закончила за двенадцать минут.

В прошлый раз Кирилла Воронцова я видела в переговорной с таким же стеклом, только тогда на стол поставили поднос с пресс-папье и четырьмя одинаковыми бутылками воды. Вадим приводил инвесторов на производство и двадцать минут рассказывал, как придумал «Бруснику». Кирилл дождался, пока закончатся цифры, и спросил, кто отвечает за то, что ягода не течёт после разморозки. Вадим назвал производственный отдел. Кирилл повторил вопрос, уже глядя на меня.

После встречи он оставил визитку. Я сунула её в ежедневник между листом с условиями поставки и выкройкой из коробки. Вадим вечером назвал Воронцова человеком, который покупает доли дёшево и ждёт, когда владельцы начнут друг друга есть. Я тогда подшила визитку скрепкой, а не выбросила. Сейчас от скрепки на уголке осталось две вмятины.

Я набрала номер из машины. Ответила помощница. Я назвала имя и сказала, что мне нужна закрытая консультация по семейному и корпоративному конфликту. Она спросила, какие фамилии проверить, прежде чем принять документы. Я назвала свою, Вадима и компанию. Про Алину сказала только тогда, когда помощница уточнила, есть ли на другой стороне отдельный получатель активов.

— Сегодня возможно?

— У Кирилла Андреевича встреча до семи. Если проверка пройдёт, он освободит минут сорок после. Документы пока не отправляйте.

Я начинала было спрашивать о цене, но помощница уже назвала её. Сумма вышла меньше, чем мы заплатили подрядчику за один из пустых актов. Я согласилась. Она прислала мне адрес, обычный деловой центр у набережной, и предупредила, что для охраны нужен документ. Я убрала визитку в бумажник и на секунду осталась сидеть с открытой дверью. Из цеха пахло ванилью. В стакане на полу под сиденьем лежал прошлогодний парковочный чек. Я подняла его и выбросила в урну у въезда.

Домой я не поехала. Перед выездом отдала Маше ключ от холодильника, проверила, что в шкафу с картами закрыта нижняя дверца, и забрала из ящика часы Вадима. Контейнер оставила. На улице уже начинался мелкий дождь. Я села в машину и положила часы в карман пальто, чтобы они не стучали в подстаканнике на каждом повороте.

В деловом центре охранник сверил мою фамилию и выдал карточку для лифта. На девятом этаже тянуло свежей краской. У приёмной стояли два кресла, обивка на одном прогнулась по самому краю. Я села на другое. Папку положила на колени. Из неё выступал лист с фамилиями. Я завернула край внутрь и поняла, что принесла с собой ещё и схему рассадки. Вадим просил не устраивать сцен. Его стол для меня оставался главным, если судить по нарисованным стульям.

Дверь открыла помощница. Сказала, что проверка конфликта завершена, и показала небольшую переговорную, где на столе лежали пустой блокнот и карандаш. Воронцов вошёл через минуту, снял пиджак, повесил на спинку стула. Я помнила его по тому, как он не садился, пока не сядет собеседник. Сейчас сел первым и передвинул ко мне графин.

— С какой части начнём?

Я вытащила страницу с адресом студии. Бумага прилипла к соседней, и я потянула слишком резко. Край пошёл волной. Кирилл взял блокнот, положил сверху и дождался, пока бумага выпрямится.

— Завтра утром у них нотариус, — я показала дату. — Тут ссылка на моё согласие. Я его не давала.

Он взглянул на строку, потом на наклейку, которую я распечатала отдельно.

— Оригинал пакета где?

— В шкафу на работе. У меня копии и снимки обеих наклеек.

— Кто имел ключ к шкафу?

— Сейчас я. Дубликат у начальника производства.

Кирилл отметил строку в блокноте. Я пила воду из стакана и следила, как на стекле движется пузырёк. Он спросил, где куплен дом, на кого зарегистрирован и какие платежи делала я. Потом уточнил, где можно поднять подтверждения расходов компании. Из моего списка он зачеркнул слова «дарение произошло» и под ними написал «проект договора». По этому пакету нельзя было сказать, успели ли они подать что-нибудь на регистрацию. Мы оставили вопрос на проверку.

Я развернула выписки. Он принимал по одному листу, не вынимал пачку из моей руки. У перевода на ИП Соколовой остановился и попросил показать основание. Я дала приложение и указала номер счёта. Через несколько минут на столе появилась другая стопка: договор, акты, выписка, календарь съёмок. Он сравнил даты. Потом спросил, видела ли я сырьё для той выставки, которую указали в двух актах. Я видела. У неё был номер проекта и отдельный заказ на перевозку. Он положил эти два платежа справа.

— Это можно оспаривать?

— Сначала проверим, что оплатили и что получили. Работа могла быть, цена могла не соответствовать договору. Пустую строку в акте назовём пустой строкой. Для остального понадобятся документы.

Я открыла страницу, где отметила выводы. Слово «украл» я написала один раз и потом перечеркнула. Кирилл его не прочитал вслух. Подвинул лист с моими вопросами, выстроил переводы по месяцам и попросил отметить, с какого месяца Вадим одновременно подписывал акт и распоряжение на оплату. Я нашла графу. В октябре вместо его подписи стояла подпись заместителя. Приказ о делегировании подписал он сам. Кирилл показал это место тупым концом карандаша.

— Студия отдельно. Компания отдельно. Согласие, которого вы не давали, отдельно от того, куда ушли деньги. Если он позвонит, не спорьте по цифрам с телефона. Если заберут доступ, мне нужны сведения, уже полученные вами в рамках вашей роли. Всё остальное потом запрашивается официально.

— Счета можно остановить?

Он перевернул страницу.

— Одним звонком нет. На завтра можно подготовить уведомления, запросить сохранение документов и проверить полномочия по платежам. Для ограничений нужны основания и решение в предусмотренном порядке. Мы не будем оставлять производство без денег на зарплату. Сколько у вас людей выходит завтра?

— На производство двадцать четыре. Плюс кофейни.

— А платёжный день?

— В понедельник.

Он записал «зарплата» отдельно. Я заметила, что впервые за день кто-то спросил, сколько человек выйдет на смену. До этого спрашивали, сколько коробок поместится к празднику. Я отодвинула воду, чтобы не залить ведомость графика.

Телефон снова завибрировал. Вадим прислал фотографию из дома. На кухне стояли девять ваз, в десятой лежали ресторанные карточки. Подпись: «Мама напоминает. Без сцен, пожалуйста». Я прочла вслух только последние два слова. Кирилл не взял телефон. Он подождал, пока я уберу его на стол.

— Вы завтра хотите пойти? — он спросил это, глядя в блокнот.

— Хочу.

— Для чего?

Я передвинула карточку лифта с края стола к папке. На ней был напечатан номер этажа. Девять. Завтра мы должны были сесть за стол, за которым десять лет назад Вадим держал мою сумку, пока я вытаскивала из коробки промокшие от дождя туфли. Я собиралась пропустить тост его матери, если та опять заговорит о терпении. Теперь мне понадобилось дождаться, когда она его закончит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.